

Анатолий Шинкин

Всегда наготове

Иронические рассказы

Анатолий Шинкин

Всегда наготове

«Издательские решения»

Шинкин А.

Всегда наготове / А. Шинкин — «Издательские решения»,

Как бы автор в своем как бы творчестве рассказывает о как бы жизни.
В театре жизни у каждого свое амплуа: один драматизирует; другой в черных, трагедийных, мрачно насупясь, по жизни шагает; третьему повезло проскакать дистанцию легким клоуном, и даже его смерть вызывает у окружающих улыбку.

© Шинкин А.

© Издательские решения

Содержание

И всегда наготове	6
Живая натура	9
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Всегда наготове
Иронические рассказы
Анатолий Шинкин

© Анатолий Шинкин, 2016

© Диана Осадчева, иллюстрации, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

И всегда наготове

*Шутит судьба, и не понять за что
Мимоходом*

*А в моей душе живет кот, раньше был мартовским
Мимоходом*

*Каждый человек – вселенная, знание, свет и Бог... Смертный Бог –
участник в эстафете Вечности
Мимоходом*

– Только без баб. Чисто по-мужски: выпьем, поговорим и разбежимся. У меня сегодня банный день.

Колян Савицкий, еще не забывший «ридну мову», поначалу звал к себе «до хаты», а Вадик Лисовский, парнишка с Белорусского полесья, с пышной скобочкой «песнярских» усов, возражал, мол у него удобнее. Но мы с Воронежским парнем Серегой отстояли бильярдную, пустующую комнатенку при клубе, со столом, на котором сиротливо белели пяток шаров да захватанный, порыжевший от времени кий.

– И очень удобно, – убеждающим тоном объяснял Серега, раскладывая по столу водку-закуску: три поллитровки, банку тушенки и буханку белого хлеба. – Мужской праздник раз в году, и женщинам на нем места нет.

У меня свой мотив не ходить в гости к Вадиму и Коляну. Лет пять тому в нашей общей холостяцко-общаговской молодости их нынешние жены Ленка Маленькая и Ленка Рыжая все-речь собирались увидеть во мне супруга, и даже сейчас одаривали порой томными взглядами, но для меня семья и дружба – строгие понятия, и я честно стараюсь забыть наши веселые чувственные кувыркания и проделки.

– За Армию, за Флот, за Державу! За нас, ребята! Я на атомной ходил, – поднял стакан Серега, выпил, налил и передал эстафету Коляну.

– Шоб не последняя. Мотопехота, сержант, – стакан ушел к Вадику.

– И за наших партизан. Авиация, моторист.

– За вас, ребята. Связь, повар.

– А связистов, за что кормить? Пусть радио слушают, – сдохмил Колян. – Посуду не задерживай.

По случаю наступающего праздника бригада отработала только до обеда, а потом мастер поздравил всех с Днем Советской Армии и Военно-Морского флота, и отправил готовиться к торжественному собранию и следующему за ним концерту.

Выпили по второй, закурили. Только середина дня, и времени – вагон. Заговорили о своей армейской юности, и как-то быстро перекатались на всегдашнюю тему о роли трех славянских республик в мировой истории вообще и Советского союза в частности.

Колян «рвал рубаху на груди», рассказывая, как богата Украина полезными ископаемыми:

– А я тебе кажу, золото на Украине есть.

Вадик, перегнувшись через стол, размахивал у Серегиного лица кулаком:

– Учти, из всех славянских народов Белорусы самые миролюбивые.

Серега, следя глазами за мощным аргументом, спешил согласиться.

В нашей стройбригаде ребята большие и крепкие. Меньше метра восьмидесяти и нет, только Серега ростом не вышел, да он и не числится формально в бригаде. Работает на башен-

ном кране, обслуживает наши объекты – двух-трехэтажные дома, которые мы собираем, как семечки шелкаем, – быстро и качественно.

У меня к Сереге сложное отношение. Года три назад закрутился сногшибательный двух-месячный секс-марафон с Надей Молдаванкой, приставку к имени девушка получила по принципу похожести, но каких кровей в ней было намешано и сама перечислить не могла: молдаване, русские, татары, ... а в результате получилось такое замечательное чудо: четко очерченные губы, припухшие по контуру, молочно-белая кожа, под густыми ресницами желто-зеленые глаза с коричневыми крапинками на радужках – по шесть штук. При небольшом росте высокая грудь и длинные стройные ноги.

Наши отношения, язык не поворачивается назвать их романом, проходили бурно и стремительно. В двух словах, – мы хотели. Полное единство тел. Мы друг друга хотели вечером, ночью, утром и в обеденный перерыв; на улице, в комнате, в рабочей бытовке, в общаговском коридоре и на танцплощадке. Если возможности для секса не было совсем, мы держались за руки и тонули в глазах друг друга.

Как-то умудрялась она оставаться незаметной среди шумных языкастых подруг – малярок и штукатурш. Я обратил на нее внимание через год после ее приезда в поселок: случайно пригласил на медленный танец. Тогда все и началось.

Взял за талию, она положила руки мне на грудь, сразу перенесла и обхватила за шею, прижалась, задышала прерывисто в плечо, и стало жарко в холодном зале. Не дотанцевав, двинулись, не расцепляя руки, к выходу. За бортом воспоминаний остались сто метров пути до общаги. А в комнате начали целоваться. Губы обволакивали не только рот, но, кажется, все тело до самых пяток, и, мы, боясь потерять и потеряться, притягивали и прижимали друг друга и мешали себе раздеться. Наверное, о чем-то говорили, но, скорее всего, нет. Ее имя я узнал дня через три, из случайно услышанного разговора.

А потом срочная и долгая командировка на другой конец страны, сессия, плавно перешедшая в отпуск. В поселок я вернулся только через полгода, когда Надя Молдаванка уже была женой Сереги кранового и, как говорится, готовилась стать матерью. Кстати, с Надей мы так серьезно сексуально «оторвались», что уже в командировке заметил полное отсутствие влечения к прекрасному полу. Не вернулось либидо и на сессии, зато резко подросли учебные показатели, не только мои, но и всей нашей на девяносто процентов девчачьей группы.

В отпуск к родителям явился душевно опустошенным и, в переживаниях о своей мужской состоятельности, отдался пьянству. Сознание и жизнь вернулись в тот момент, когда «вспахивал сексуальную ниву» на Верке Тракторе.

Верку местные парни прозвали Трактором за неостановимый сексуальный напор и физическую мощь. Верке хронически не хватало секса, и она просто втаскивала на себя приглянувшегося парня или мужичка, не стесняясь и кулачком крепеньким приложить, если у партнера не находилось достаточно сил и желания удовлетворить немеренные потребности. Впрочем, сильный пол особых претензий не высказывал: фигура у Верки – супер и лицом не дурнушка.

Воспользовалась Верка пьяной отключкой, а у меня и рот до ушей – в порядке инструмент. Покувыркались недельку. Родители мои, уговаривая сынищу покинуть Севера, обещали машину подарить, но, узнав, с кем провожу ночи, быстренько взяли билет до Тюмени, собрали сумку и сунули полусонного досыпать в плацкартном вагоне.

– О чем размышлялся? – Серега толкнул в руку стаканом с водкой.

– Нет, я пас. Банный день – это серьезно, а пойло уже кончается

– Успеешь еще, – заплетающимся голосом попытался убеждать Вадик. – Сейчас еще сгоняем.

– Магазин закрыт – предпраздничный день.

– Вин с пид земли достанет, – гордо проинформировал Колян.

– Нет. Всех с наступающим праздником.

После бани тридцатиградусный мороз уже не воспринимался, хмель улетучился. Я бодро взбежал по деревянным ступенькам крыльца, открыл дверь и столкнулся с Наденькой.

– Я к подругам хотела зайти, пока мой спит. Увидела тебя в окно и решила подождать.

Три года не слышанный голос прозвучал в ушах музыкой: густой, глубокий, теплый; век бы слушал.

– А я это, ... из бани.

– Вижу. Может, пригласишь зайти? Посмотрю, что у тебя изменилось?

Как будто что-то действительно может измениться в общаге. Изменилось; время остановилось напрочь и колыхалось в неясной осязаемой неотчетливой полудреме. Взял ее правое запястье, продвинул пальцы, поглаживая теплую кожу под рукавом шубы, и молча смотрел в глаза. Те же коричневые точки на зеленой радужке – по шесть на каждой.

Как прежде, не расцепляя рук, прошли в комнату. Помог снять шубу.

– Чаю хочешь?

Надя улыбнулась, засмеялась, а следом и я захохотал. Трудно было выдумать более глупый вопрос: в прежних отношениях не хватало времени ни на чай, ни на обеды, даже на разговоры. Только однажды пришло в голову устроить подруге «романтический вечер». Достал за тройную цену (сухой закон) бутылку водки, разогрел полную сковороду гречневой каши с тушенкой, нарезал свежего хлеба. Кашу и хлеб успели съесть утром, перед работой, а водка так и простояла. За час до отъезда в командировку выпили с Серегой крановым, будущим Надиным мужем. Вот ведь судьба.

Смеялись, раздевая друг друга, легли, прижались плотно телами, сердцами, душами, в мареве неподвижного времени. Надя погладила плечо, я перевернулся на спину, помог ей лечь сверху, задвигались плавно, не отрываясь смотрели в глаза. Надя приподнималась и отдалялась, и я, тревожась, потянулся руками вслед, по бедрам, животу, тронул и сжал пальцами груди, коснулся сосков. Надя вскрикнула, вытянулась и с плачем рухнула на меня.

Целуя мокрое лицо, подвинулся к краю кровати. Надя перевернулась на спину, потянула меня за плечи. Задвигались в совместном страстном танце, все убыстряя темп. Надя опустила веки, подвыла утробно и сжала зубами мое левое плечо, остро процарапала ногтями бока. Боль смешалась с наслаждением, и мы дружно и глубоко задышали в полной усталости.

– Хочешь? – протянул Наде сигарету.

– Я не курю, – она встала и начала одеваться. – Все. Пора. Мой, наверное, уже проспался.

А я вдруг сообразил, что это действительно «все» и вскочил с кровати.

– Надя, я тебя три года ждал...

– И был наготове? – она смотрела на меня и смеялась.

Глянул на себя, да, не мешало бы одеться, и тоже засмеялся. Вот такое веселое прощанье.

Утром разбудил стук в дверь и, прежде моего разрешения, ввалились Колян, Вадик и Серега. Гордо выставили на стол две бутылки.

– Поднимайся, солдат. Родина призывает опохмелиться.

Пока приводил себя в порядок, стогоношили закусь, выпили и заспорили вновь о величии своей славянской республики перед другими славянскими республиками.

– Нет, но почему Белоруссия Белая, Россия Великая, а Украина всего лишь Малая? – горячился Колян. – Да мы, если хочешь знать, весь Союз кормим.

Ребят не переслушать. Я из татар, и для меня великодержавные межславянские разборки исторически по барабану.

Живая натура

Вот и надо двигать на рынок лучшее, что у нас есть
Мимоходом

*Юмор мудреца с грустью о несбывшемся...
или сбывшемся не так*
Мимоходом

Леночка радостно взглянула на рисунок, перевела взгляд на оригинал и прикусила губу. Ее «смелый, точный, карандаш», как характеризовали ее манеру письма преподаватели художественной школы, в очередной раз давал сбой. Оригинал теперь смотрел не прямо на пол, а под небольшим углом.

Упорная девочка, украшение курса и надежда Школы Искусств, стерла рисунок и в шестой раз принялась набрасывать пеннис натурщика.

Абсолютно голый Петрович в позе готовящегося метнуть снаряд дискбола изо всех сил напрягал соответствующие мышцы рук, ног и корпуса. В натурщики он попал по протекции. «Поднявшемуся» на ниве ЖКХ другу детства позарез понадобилось устроить в комнатенке, которую Петрович снимал у него, магазин. Выросший при Советской власти Игорь Сергеевич еще не растерял НЗ совести и человечности, и стеснялся выбросить бомжевать на улицу товарища по детским играм. Вызвал в офис и обрисовал ситуацию:

– У меня есть знакомая творческая дура, красивая женщина, замечательная художница и добрейшей души человек. Ей нужен завхоз, сантехник, электрик, плотник, сторож и дворник. Все в одном лице и на полставки, плюс комната при Школе Искусств, как они это называют, – Игорь Сергеевич весело блеснул лысиной. – Твои вещи уже перевезли.

Петрович грустно усмехнулся:

– Черт бы вас побрал, – буркнул вместо благодарности и вышел.

По обычаю увлеченных работой людей, директриса Школы Искусств Изольда Леонидовна, сорокалетняя фигуристая брюнетка, задерживалась допоздна, проверяя работы учеников, составляя планы уроков или работая с документацией. Но однажды перегорела лампочка, и теплый кабинет с портретами художников прошлого на стенах сразу стал неудобным, зябким и жутковатым. В кромешной темноте ожили классики фламандской школы и начали переругиваться с русскими передвижниками, а потом дружно и громко осудили модернистов, кубистов и прочих новаторов. Пабло Пикассо, почему-то по-русски, лениво, снисходительно, небрежно-презрительно отругивался, не выбирая выражения. Изольда Леонидовна в панике схватилась за телефон:

– Петрович, немедленно вкрутите мне новую лампочку.

Разбуженный звонком Петрович машинально взял из ящика стоваттную лампочку и в тапочках и семейных трусах, зевая и покачиваясь, пошлепал по длинному коридору.

– Сейчас все будет, – успокоил от двери.

Свободно ориентируясь в темноте, взобрался на стол, втащил за собой стул и, утвердившись на нем, дотянулся, вывернул сгоревшую и ввернул новую лампочку. Вспыхнул свет.

– О-о-о! – в ужасе показывая пальцем, завизжала Изольда Леонидовна. Над ней на двухметровой высоте реяли семейные трусы и все мужское «хозяйство» Петровича.

– Ну че? Ну че? – бормотал в недоумении Петрович, спускаясь с пьедестала. – Свет горит. Работайте. – И неторопливо зашлепал к своей комнате.

Двойное потрясение заставило Изольду Леонидовну отвлечься от рисунков учеников и задуматься. Наметанный взгляд художника и в перепуганном состоянии, с восхищением

отметил рельефную сухую мускулатуру сорокапятилетнего Петровича, без миллиметра жировой прослойки, которая никак не могла появиться при редких, беспорядочных, во многом случайных приемах пищи. А школе срочно: вчера, сегодня, завтра и всегда, как воздух, как голодному кусок хлеба, как сухим полям вода, как Амурским тиграм защита Гринписа, требовалась живая мужская натура.

Жизнь Петровича стала налаживаться. Полная ставка, четыре тысячи рублей, по мнению правительства, достаточна и избыточна, чтобы сделать счастливым любого из россиян. Теперь Петрович занимался хозяйственными работами после полудня, а с утра до обеда «стоял в позе», работал «нуде моделью». Дословно, «голый образец», изображая отпускающего тетиву лучника, рубящего саблей всадника, финиширующего бегуна; мужчину, напрягшего мышечные и душевные силы для достижения результата. Юные художницы, вертлявые смешливые болтушки из хороших семей, старательно пытались передать «движение и напряжение».

– Остановить мгновение и показать, как оно прекрасно, – недостаточно, – убеждающе вещала Изольда Леонидовна. – Покажите, как оно продолжается и обещает стать еще ярче.

Особенно нравилась Петровичу поза Роденовского «Мыслителя». Подперев кулаком подбородок, переносился Петрович в свое недавно благополучное и начисто разрушенное рыночными отношениями прошлое. Работяга по жизни после сокращения с завода еще пытался некоторое время трепыхаться, разыскивая работу и зарплату, но сначала покинула дом и затерялась в столицах дочь, следом укатил на Севера сын. Супруга нашла себя и свое новое счастье в торговых рядах, стала средним классом, и, наконец, объявила Петровичу, что он разведен и свободен, без права на жилплощадь. Спасибо, Игорь Сергеевич, друг детства, не дал пропасть. В этом месте Петрович, скрипнув зубами, отчетливо выговаривал: «Блин!», но голос заглушал звонок с урока, и Петрович шел курить.

Позировал Петрович, привыкший к скромности и чуждый новаторству, всегда в трусах. И только под давлением Изольды Леонидовны, сменил свои «семейники» на купленное директрисой белоснежное «нечто», с запАхом и серебристой пуговицей на ширинке. Тем не менее, Изольда Леонидовна не оставляла попыток представить Петровича ученицам в одежде античных героев. Горячо убеждала в красоте и гармоничности человеческого тела вообще и крепкого жилистого мышечного скелета Петровича в частности, популярно указывала на неполноценность и незавершенность картин, в которых отсутствует образ напряжения станových мышц нижней поясничной области, малого таза и бедер. Исчерпав аргументы, директриса достала из сейфа бутылку водки и «набулькала» почти половину фужера.

Петрович «сломался» и стал дискоболом-метателем.

– Обратите внимание, – Изольда Леонидовна победно оглядела класс, – как отчетливо проявилась мускулюс глютеус: верхняя ягодичная мышца. – Кончиком указки она обрисовала поглаживающим движением на теле Петровича нужный участок. – В момент наибольшей концентрации тело и разум объединяются для мощного броска. Мозг расслабляет, отключает, почти прекращает подачу крови в органы и ткани, не участвующие в совершаемом действии.

Кончик указки задел пенис натурщика, и пребывающий в состоянии легкого опьянения мозг Петровича не смог сосредоточиться и перенаправить весь ток крови в мускулюс глютеус. Часть ее, спровоцированная кончиком указки, перетекла в пенис, и тот потихоньку начал набухать и выпрямляться, обретая силу и размеры фаллоса. Хихикающие ученицы, не доверяя собственному мастерству художников, торопливо достали мобильные телефоны.

– Подняться до высот модернизма и сюрреализма, – радостно разливалась Изольда Леонидовна.

Как бы отвечая на ее сентенцию, пенис Петровича, нет, теперь уже фаллос, выпрямился во весь рост, поднялся над реальностью, снисходительно осмотрел пожирающую его глазами девчоночью аудиторию, усмехнулся и остановил взгляд на зрелых округлостях преподавателя.

Леночка, едва не до слез уязвленная собственным неумением «ухватить» ускользающую натуру продолжала раз за разом стирать и набрасывать вновь разбухающий и выпрямляющийся предмет. Увы, всякий раз получалась только застывшая форма, действительная только в короткий промежуток времени. Сама того не ведая, девочка подходила к открытию в искусстве живописи.

Изольда Леонидовна, заметив, как изменился вектор внимания аудитории, обернулась за взглядами учениц и, с трудом сохраняя самообладание, попыталась взять ситуацию под контроль.

– Для художника не может быть скрытых или смешных частей тела, – продолжая говорить, она развернула стоящее на подиуме кресло к доске и, взяв за руку, усадила в него Петровича. – Весь человек, включая интимные части и потаенные уголки души, является частью искусства. Леночка, немедленно в туалет. Намочите салфетки холодной водой и принесите. Урок не закончен. Рисуем по памяти, особо обращая внимание на крутизну абриса мускулюс глютеус...

Класс, разочарованно вздыхая, принялся рисовать по памяти мускулюс глютеус. Вспотевшая от волнения Изольда Леонидовна бережно обкладывала фаллос Петровича, который в полный рост вовсе не выглядел «смешным», холодными мокрыми салфетками. Салфетки тут же нагревались и высыхали. Леночка челноком металась между классом и туалетом. Петрович, укутанный клубами водяного пара, не выдержал:

– Больше мне делать нечего, как салфетки вам сушить. Блин!

Неприличное слово заглушил звонок с урока и разрядил неловкую ситуацию.

Изольда Леонидовна смолodu не была дурнушкой, а к сорока расцвела совершенно. Нестандартный учебный день принес волнение, возбуждение; на щеках директрисы разлился акварельный румянец, и Петрович, строгим голосом в телефоне приглашенный «на ковер», лишь растерянно перебирал ногами, не в силах отвести глаза от притягивающей красоты.

– Вы, хотя бы понимаете, что сорвали занятия, нарушили поурочный план? – Изольда Леонидовна, пытаясь быть строгой, повышала голос. – Учебная программа и процесс подготовки молодых художников-новаторов поставили своим безответственным поведением, – она машинально схватила со стола указку, пропустила ее сквозь кулак сверху донизу и закончила, – на грань срыва. Чему вы улыбаетесь?

– Радуюсь, что сейчас не тридцать седьмой, – Петрович взял левой рукой за пояс брюк, а правой потянул застежку «молнии». – После таких обвинений меня бы уже к вечеру расстреляли...

Леночка вышла из студии, обернулась на пороге и сильно запустила стирашкой в античную гипсовую голову. Не порадовавшись точному попаданию, понуро побрела по коридору. Сверхурочные занятия, когда она бесконечно рисовала и стирала нарисованное, снова убедили ее в безнадежности попыток «ухватить» движение.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.